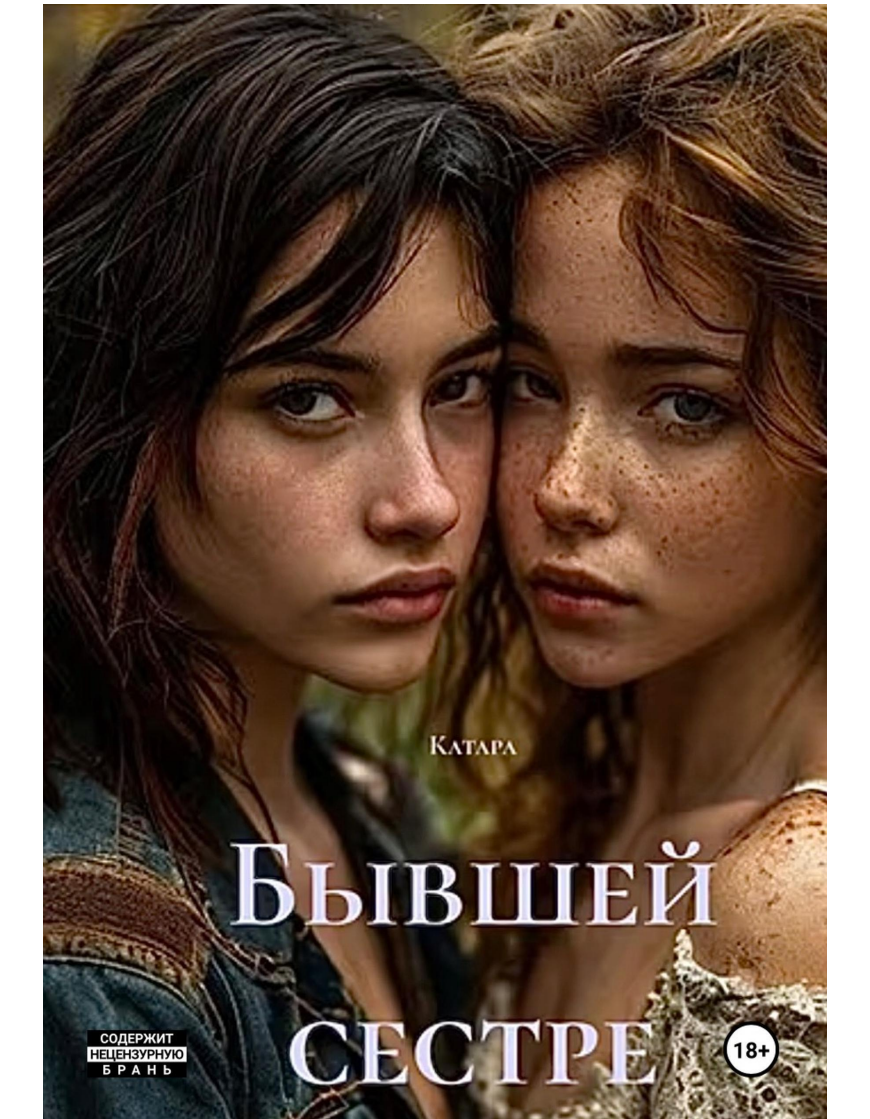

A close-up, cinematic portrait of two young women, Ellie and Riley, from the video game 'The Last of Us'. They are positioned very close together, with their faces filling most of the frame. Ellie, on the left, has dark, wavy hair and a serious expression. Riley, on the right, has light brown hair and prominent freckles. The lighting is soft and natural, highlighting their features. The background is blurred, suggesting an outdoor setting.

КАТАРА

БЫВШЕЙ СЕСТРЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Катара Катара Бывшей сестре

<https://litres.ru/74251959>

SelfPub; 2026

Аннотация

Многолетняя дружба, ставшая историей одного предательства. Когда слова оказываются бессильны, на помощь приходят строки. Этот сборник — попытка превратить невыносимую боль в искусство, а предательство — в опыт. Откровенный разговор о том, что остается внутри, когда рушится мир, построенный на доверии.

Я пишу это о тебе, надеюсь мне будет легче.

Содержание

Глава 1. Иллюзия вечности	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Катара Бывшей сестре

Глава 1. Иллюзия вечности

В тринадцать лет
переезд кажется
не просто сменой города,
а маленьким концом света.
Будто у тебя забирают
не только двор,
не только привычный маршрут до магазина,
не только окна,
в которые столько раз смотрела по вечерам,
но и саму тебя —
ту версию,
которая знала,
где её место.
Я приехала в новый город
с чувством,
что всё теперь придётся начинать заново.
Новая школа.
Новый класс.
Новые лица,

в которых не было
ни одной знакомой черты,
ни одного взгляда,
за который можно было бы зацепиться
и выдохнуть.

Я помню тот день
почти по кадрам.

Я захожу в кабинет,
ловлю на себе чужое любопытство,
чью-то скуку,
чью-то быструю оценку —
и среди всех лиц
вижу тебя.

Ярко-зелёные глаза.

Длинные светлые волосы.

И взгляд,
который тогда показался мне
надменным.

Я посмотрела на тебя
и почему-то сразу подумала:
вот именно ты
самая неприятная девочка в классе.
Сейчас я понимаю,
что ты не смотрела на меня свысока.
Наверное,
ты просто тоже была закрытой.

Просто тоже настороженной.
Просто не из тех,
кто бросается навстречу новеньким
с улыбкой и вопросами.
Но в тот момент
я этого не знала.
Почти все подошли знакомиться.
Ты — нет.
И именно поэтому
я тебя запомнила.
В первую учебную неделю
со мной сблизилась две девочки.
Точнее,
они сами решили,
что мы будем общаться.
Я не искала дружбы специально.
Не потому что была зажатой
или робкой,
нет.
Я не была тихоней
и не пряталась по углам.
Просто мне всегда было
комфортнее одной,
чем в компании,
где нужно подстраиваться
под чужой шум.

Эти новые «подружки»
мне почти сразу не понравились.
В них было слишком много
того, что я никогда не любила:
пафоса,
какого-то нелепого соперничества
даже в мелочах,
колкостей,
замаскированных под шутки,
и постоянного желания
быть выше друг друга
хотя бы на полголовы.
А мне хотелось другого.
Спокойствия.
Искренности.
Нормального человеческого тепла,
без игры на публику.
Позже я узнала,
что тебя зовут Настя.
Ты общалась с двумя отличницами,
держалась рядом с ними,
но даже тогда
не производила впечатления
«звезды класса».
Ты не была самой популярной,
самой громкой,

самой заметной.
Скорее наоборот —
обычная девочка,
почти незаметная,
из тех,
на кого редко смотрят
дольше пары секунд.
И я продолжала жить
свою новую школьную жизнь,
в которой всё ещё чувствовала себя
временно.
Как будто ещё немного —
и меня вернут обратно,
туда,
где всё было понятно.
Но однажды
всё изменилось.
В классный чат
пришло сообщение.
Я до сих пор помню
это странное ощущение,
когда одно уведомление
может за несколько минут
перевернуть чью-то школьную реальность.
Там было что-то вроде:
«Вы только посмотрите на эту выскочку».

И дальше —
твой профиль,
твои сообщения,
которые кто-то вытащил
на всеобщее обозрение.
Ты писала одной из своих подруг-отличниц,
что они живут неправильно,
что ты будешь моделью,
что разбираешься в моде,
в отличие от них,
что до твоего стиля
им далеко.

Сейчас я думаю:
в тринадцать лет
мы все иногда говорим
что-то глупое,
смешное,
слишком громкое для того,
что на самом деле чувствуем внутри.
Иногда за такими словами
не высокомерие,
а наоборот —
хрупкость,
которая отчаянно пытается
выглядеть уверенностью.
Но тогда

никто не хотел разбираться.
Класс решил быстро.
Тебя отправили в молчание.
В школьный бойкот,
который всегда выглядит особенно жестоко
именно потому,
что формально
тебя никто не бьёт,
не оскорбляет в лицо,
не устраивает сцен.
С тобой просто
перестают говорить.
А иногда это больше всего.
На одном из уроков —
кажется, это было ИЗО —
ты подошла ко мне
и попросила цветные карандаши.
Я помню,
как одна из моих новых подружек
сразу зашептала мне на ухо,
чтобы я тебя проигнорировала.
Чтобы не давала.
Чтобы тоже показала,
на чьей я стороне.
Но я и не собиралась
слушать её.

Не потому что мне было
так уж сильно тебя жаль.
Скорее потому,
что я слишком хорошо знала,
как это ощущается —
когда на тебя смотрят
как на пустое место.
Когда тебя выталкивают
из общего круга
так,
будто это ничего не значит.
И я просто
по-человечески
дала тебе карандаши.
Без пафоса.
Без особой мысли,
что с этого начнётся
что-то важное.
Просто одолжила.
А уже на следующем уроке
сама под села к тебе.
Мои новоиспечённые подружки,
конечно,
обиделись.
Я чувствовала это
по их лицам,

по взглядам,
по нарочито холодному тону.
Но мне было всё равно.
С тобой оказалось
удивительно легко.
Мы начали разговаривать —
сначала осторожно,
словно нащупывая,
можно ли друг другу доверять,
а потом всё свободнее.
После школы
мы пошли вместе.
Потом ещё раз.
И ещё.
Сначала это были
не прогулки даже,
а просто дорога домой,
растянутая разговорами.
Но именно из таких мелочей
обычно и складывается
начало дружбы:
из лишних десяти минут,
из неслучайных совпадений маршрута,
из фраз
«тебе тоже в эту сторону?»
и «давай ещё немного пройдемся».

Ты оказалась
совсем не той,
какой я увидела тебя в первый день.
Не надменной.
Не колючей.
Не «самой сучкой класса»,
как я зачем-то решила про себя.
Ты была
обычной.
Хорошей.
Доброй.
И очень раненой.
Ты открылась мне
почти сразу.
Я так не умею.
Во мне всегда было
слишком много внутренних замков,
слишком много привычки
держаться настоящее при себе.
Поэтому я тоже рассказывала о себе —
но аккуратно,
только верхний слой.
Только то,
что не страшно произнести вслух.
Мы говорили о школе,
об учителях,

об одноклассниках,
о родителях,
о каких-то бытовых мелочах,
которые в тот возраст
и составляют целую жизнь.

Это был
самый обычный период
становления дружбы.

И, может быть,
именно поэтому
он потом казался мне
таким драгоценным.

В какой-то день
был праздник.

Я уже не помню какой.

Помню только холод,
зиму
и ощущение,
что у нас с тобой
впереди целый вечер,
который принадлежит
только нам.

Я позвала тебя гулять.

Мы взяли шаурму
в маленьком ларьке,
который тогда казался

самым вкусным местом в мире,
и горячий шоколад,
чтобы греть руки.
Сейчас это воспоминание
кажется мне почти кинематографичным:
две девочки,
у которых почти никого нет,
идут по зимнему городу,
держат в руках тёплые стаканчики
и медленно учатся
не быть друг другу чужими.
У тебя не было друзей.
У меня не было
никого близкого
в новом городе.
Только ты.
И я.
И это чувство,
что, может быть,
одинокчество
можно разделить пополам,
и тогда оно станет
не таким тяжёлым.
Во время той прогулки
я рассказывала тебе
о своей семье,

о родителях,
о доме,
который остался в прошлом городе,
о себе —
настолько,
насколько тогда могла.

Ты тоже говорила о маме,
между делом упомянула,
что тебе нужно домой к девяти.

К тому моменту
ты уже была у меня в гостях.

А я у тебя — нет.

И это казалось мне странным.

Не тревожным,
не подозрительным,
а именно странным.

Как будто в нашей дружбе
была комната,
дверь в которую
ты всё время
оставляла закрытой.

Спустя время
я всё же спросила,
почему так.

И ты призналась.
Сначала неуверенно.

Словно ждала,
что после этих слов
я тоже отодвинусь,
тоже посмотрю иначе,
тоже начну жалеть
или, хуже того,
стыдливо молчать.
Ты сказала,
что родителей у тебя,
по сути, нет.
Что папа умер.
Что мама пьёт.
Что живёшь ты с бабушкой.
Я не знаю,
почему ты так боялась
мне это сказать.
Для меня это ничего не испортило.
Не уменьшило тебя.
Не сделало «другой».
Не заставило отшатнуться.
Наоборот.
В тот момент
я прониклась тобой
ещё сильнее.
Мне казалось,
что твоё доверие —

это что-то очень важное.

Что если человек

показывает тебе

свою боль,

значит,

ты действительно стал ему близок.

Тогда я ещё не знала,

что чужая откровенность

и настоящая близость —

не всегда одно и то же.

Что некоторые люди

умеют быстро открывать раны,

но не умеют

по-настоящему впускать.

Мы были разными.

Очень.

Ты — спокойная,

стеснительная,

робкая.

Из тех,

кто не спорит лишний раз,

не перебивает,

не говорит поперёк.

Я — громкая,

смешливая,

живая,

с вечной привычкой
вести за собой,
шутить,
заполнять собой пространство.
Даже внешне
мы были противоположностями.
Ты — светлая,
с длинными волосами
и прозрачной мягкостью во взгляде.
Я — тёмная,
с карими глазами,
кудрявыми волосами,
смуглой кожей
и характером,
который всегда входил в комнату
раньше меня.
Возможно,
мне нравилось,
что рядом с тобой
я особенно чувствовала себя лидером.
Возможно,
мне было удобно
быть сильной там,
где ты охотно уступала.
А может быть,
правда была ещё проще:

в тебе было что-то,
что отзывалось во мне
не жалостью,
а желанием беречь.

И тогда
я ещё не думала
о выгоде,
о ролях,
о скрытых перекосах,
которые потом
вырастают в пропасть.

Тогда мне казалось только одно:
ты тоже рада,
что нашла меня.

Так же,
как я была рада,
что нашла тебя.

В тринадцать лет
нам кажется,
что если человек
появился в момент,
когда тебе особенно одиноко,
значит,
он появился навсегда.

Что случайные встречи
на самом деле не случайны.

Что первая зимняя прогулка,
горячий шоколад,
чужая откровенность
и дорога после школы —
это уже почти обещание вечности.

Мы ещё не знаем,
что некоторые люди
приходят в нашу жизнь
не чтобы остаться,
а чтобы научить нас
путать спасение
с привязанностью.

Но тогда
я этого не понимала.
Тогда ты казалась мне
тихой девочкой
с зелёными глазами,
которую весь класс
почему-то не сумел разглядеть.

И, наверное,
в каком-то смысле
я тоже.

Только позже
я пойму,
что иногда
мы влюбляемся

не в человека,
а в собственную версию
его боли,
его нежности,
его нужности.

И называем это
дружбой,
которой суждено
длиться вечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.